

А.В. Гнатюк

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Опыт философии органицизма

Часть первая

Монография

Сумы • 2016
Университетская книга

УДК 113/119:159.922

ББК 87+88.3

Г 56

Рецензенты:

Щербина-Яковлева Е.Е., докт. философ. наук, профессор;

Злобин Ю.А., д-р биол. наук, профессор

Гнатюк Л.В.

Г 56 **Человек и его деятельность: Опыт философии органицизма : монография. – Ч. 1. – Сумы : Университетская книга, 2016. – 399 с.**

ISBN 978-966-680-271-6

Работа посвящена исследованию проблемы мышления, рассматриваемого в качестве органического процесса зарождения, развития и появления мысли как такой структуры языка, которая соответствует природе породившей ее органики. Последняя представлена как явление генотипически неповторимое и неразрывно связанное с бытийными основами нашего существования.

Рассмотрена структура этого явления и природа его деятельности.

УДК 113/119:159.922

ББК 87+88.3

ISBN 978-966-680-271-6

© Гнатюк Л.В., 2006

© ООО «ИТД Университетская книга», 2016

ВВЕДЕНИЕ

Те, кто веруют слепо, пути не найдут,
Тех, кто мыслит, сомнения вечно гнетут.
Опасаясь, что голос раздастся однажды:
«О, невежды! Дорога не там и не тут».

Омар Хайям

Бесконечно разнообразный мир человеческой мысли может быть, по всей вероятности, сведен к ряду таких своих исходных принципов, которые лежат в основе всего этого бесконечного разнообразия. Эти принципы изначально определили природу мыслительной деятельности в той мере, в какой начинающий размышлять человек выявил их как наиболее простые и в то же время как захватывающе перспективные.

Возникшие из тьмы незнания и тем самым как-то сразу определившие пути дальнейшего развития, эти принципы в своей наивной однозначности и великой простоте выступили перед потрясенным мышлением, в частности, в следующей альтернативе: делим ли этот мир до бесконечности или он имеет предел своей делимости? Или же в несколько ином аспекте этой проблемы: может ли быть мыслим этот мир как сущая в себе качественно однообразная стихия, как, например, вода, или воздух, или огонь, или земля (а может быть, и как их взаимодействие) или же он есть результат сложнейших взаимодействий бескачественных и неделимых частиц.

Мысль, начавшая свое развитие, в том числе и с этой альтернативы, обнаружила себя у разных народов, однако в наиболее отчетливой и подчеркнута рациональной форме она нашла свое выражение у античных греков, в связи с чем возникшая альтернатива может быть обозначена собственно именами Эмпедокла и Демокрита. Согласно последнему, «бесконечно многие по числу сущности (атомы), не имеющие внутренних качеств, носятся в пустом пространстве и из их скоплений одно окажется водою, другое – огнем, третье – растением, четвертое – человеком».

Что же касается Эмпедокла, то он убежден, что «нет во Вселенной нигде пустоты», но качественно разнородные стихии (корни

вещей), находясь в сфере действия сил объединения и разъединения (любви и вражды), производят из себя все сменяющие друг друга явления.

Наконец, еще один принцип видения мира представляет собою как бы завершение той интеллектуальной схемы, которая была реализована в последующем. Речь идет о толковании явлений с точки зрения соотношения их природ, в результате чего появилось знаменитое положение Анаксагора о том, что «во всем есть частица всего» или «все – во всем».

Обретя такие исходные позиции, человеческая мысль начала разрабатывать каждую из них в отдельности, в результате чего, например, в науке XVII–XVIII веков демокритовский принцип предстал в виде стройной механистической концепции мироздания. В соответствии с ней целостность мира может быть понята как колоссальная совокупность атомов, то есть крошечных и вечных по своей природе корпускул, имеющих массу и взаимодействующих по принципам, присущим механике всех материальных тел.

Наука, однако, не остановилась на разработке только этой версии устройства нашего мира. Современная физика, которая на уровне квантовой теории глубже всех сумела проникнуть в основы нашего мироздания, успехами своими обязана как раз тому обстоятельству, что это ее *проникновение* в самых своих глубинах или, если угодно, на самых вершинах своих обнаружило органическую связь найденных в античной философии исходных принципов человеческой мысли. Так, современная физическая теория утверждает, что элементарная частица (атом) немыслима вне такой реальности, как поле, (стихия), в том смысле, что она входит в поле в качестве его простейшего элемента или кванта. Взаимной связью квантов обусловлено то, что «физические различия полей определяют физические различия их квантов, то есть элементарных частиц, и обратно»¹.

Однако выявление природы полей и их квантовых элементов не ограничивается фиксацией их взаимодействия. Органика последнего обусловлена тем обстоятельством, что все то, что образовано элементарными частицами, в свою очередь, существуя в природе *каждой из них*, приводит к положению, согласно которому «все» в известном смысле «состоит из всего». В этом случае каждая элементарная частица является своеобразным репрезентантом всего мироздания или всей Вселенной, как и наоборот, вся

¹ Марков М.А. О природе материи. – М., 1976. – С. 77.

Вселенная может быть выразима в бесконечно сложном мире отдельной элементарной частицы. То и другое соизмеримо таким образом, что нельзя говорить об одном, не имея в виду другого.

Это устройство нашего мира или, вернее, природу этого устройства мы обозначили термином *органицизм*, имея в виду, что перед нами – основное свойство организма, согласно которому каждая его клетка является своеобразным выражением целостности, к которой она принадлежит.

В приведенных выше положениях обозначено содержание настоящей работы. Она представляет собою попытку выразить принцип «все – во всем» применительно к сфере человеческого бытия, в котором каждый его элемент, каждое индивидуальное существование, явно представляя себя, неявно представляет собой и всю сферу, будучи неповторимым ее вариантом. С другой стороны, бытие самой сферы возможно только посредством репрезентации ее в каждом из своих элементов в том смысле, что именно эта репрезентация и есть само бытие.

В этом проявлении «всего во всем» все его агенты образуют своеобразное «поле» *держания* друг друга, или их содержания; в нем каждый невольно выступает *гласом* другого, а все – со-гласием, а также *вестью*, благодаря чему человеческое бытие организовано со-вестью и т.д. Легко видеть, что вся духовная составляющая человеческого сообщества представляет собою производную величину от того способа бытийности, который может быть истолкован как органицизм. Именно он, как мы попытаемся показать, является истоком человеческой жизни или тем ее началом, которое возможно, поскольку сводимо к этому способу быть. С него начинается человек, в нем он существует и поныне, поскольку невозможен вне его именно как человек.

Но этот способ быть, как видим, того же порядка, который был выявлен на уровне квантовой теории. Однако то, что стало понятным на физическом уровне, до сих пор не стало очевидным на уровне социальном. Здесь наука до сих пор решает вопросы, которые были существенны для физики XVI–XVIII веков, когда она задавалась вопросом, делима ли материя до бесконечности, то есть можно ли уподобить ее какой-то однородной субстанции (Декарт), или же она имеет пределы делимости и может быть представлена совокупностью атомов (Ньютон).

В полном соответствии с этой альтернативой в толковании физической природы, уже давно ставшим историей, современное

понимание природы общественной мысли до сих пор представлено двумя противоположными концепциями. Одна из них толкует общество как совокупность свободных индивидов, «зрячих атомов», как еще когда-то говорил Вольтер, другая же – как социальное целое, которое обслуживается индивидами².

Первая, получившая мощный импульс развития в эпоху Возрождения, восславившая безграничные природные возможности человека, формировалась далее как следствие английской экономической и французской политической революций. Результатом этих двух эпохальных событий было то, что человек, освобожденный от «гнета традиционных отношений», становился самостоятельным элементом общества, теперь уже в качестве «индивида» (или в переводе на греческий – *атома*). Но очевидно, что именно в этом качестве все эти индивиды-атомы «освобождались» таким образом и от содержания в указанном выше смысле. Органика духовной жизни начинает деформироваться, вследствие чего там появляются мотивы одиночества, в которых человек рассматривается как «онтологическое ничтожество», ютящееся «на грани двух бездн» – микро- и макрокосмической, как это было у Паскаля. И, хотя в целом дальнейшее развитие атомизированного общества истолковывалось его идеологами как такое, которое следует рассматривать в качестве высшей ступени цивилизации, стали появляться мнения, согласно которым общество, основанное на индивидуалистических началах, неизбежно деградирует, что его ожидает тотальная усредненность или мещанство, что поэтому «мещанство – это окончательная форма западной цивилизации» (Герцен).

Более же радикальные мыслители, как, например, Ницше, высказывают мысль, в соответствии с которой цивилизация есть свидетельство радикального поражения человека, которое обернется торжеством «грядущего хама», а на протяжении всего XX века тревога этого мироощущения выразилась в философии экзистенциализма – этом вое загнанного в себя человека.

Что же касается второй концепции, то она, будучи изначально формой человеческого общежития и оказавшись вместе с тем существенно потесненной экономическими успехами индивидуалистической цивилизации, последний раз обнаружила себя в таких своих крайних и карикатурных разновидностях, как коммунизм и национал-социализм. Их поражение открыло широкую

² См., например: Никитина А.Г. Глобальный социально-политический конфликт // Вопросы философии. – 2002. – № 6.

дорогу альтернативной позиции, которая, не встречая какого-либо серьезного (теоретического, организационного, экономического и т.п.) сопротивления, распространяется ныне в мире в виде так называемых «демократических ценностей» – этих высших проявлений «цивилизованных норм жизни».

Оставив далеко позади наивные опасения об «усредненном индивиде» и мещанстве, современная цивилизация продемонстрировала истинный размах в практическом воплощении этих опасений. Взяв на вооружение высшие достижения человеческой мысли, и прежде всего научной, она создала экономическую систему, во многом развивающуюся за счет того, что создается сфера потребностей, которые человек начинает воспринимать как необходимое условие своего существования. Отвечая этому условию, он работает и, в итоге, живет для того, чтобы, находясь в режиме постоянно растущего «рынка услуг», в массовом порядке удовлетворяющего эти потребности, пользоваться такими услугами во все более растущих объемах. Так было создано «общество массового потребления», в котором человек, восхищенный процессом «превращения камней в хлебы» и поработанный собственными вождениями, становится существом удручающе одомерным, потерявшим представление о неисследимой глубине и вдохновляющей высоте своего духа. Процесс этого сугубого «усреднения», ранее казавшийся недопустимым и ставший теперь вполне нормальным, находит свое завершение в интеллектуальной сфере, где в условиях роста «массовых коммуникаций» естественный обмен мыслями – этим продуктом личного и поштучного производства, как-то незаметно и естественно был заменен на обмен «информацией», то есть комбинациями таких формально-организованных структур, которые не есть мыслями по определению, в связи с чем ими лучше всех оперируют машины. Мысль – слишком большая роскошь для «усредненного» человека. Пользование мыслью – это привилегия элиты общества, которая благодаря этому своему преимуществу сохраняет бразды правления над остальными.

В условиях таких воистину тектонических смещений основ общественной жизни необходимо изменяется природа ее регулятивных принципов. Принято считать, что «цивилизованные нормы» жизни покоятся на правовой основе, то есть регулируются законом. Однако не будем смешивать понятия «правовая основа» и «закон». Последний всегда являлся в виде однажды обнаруженного принципа, заданного раз и навсегда для упорядочивания текущих ситуаций. Он *определяет* их. Правовая основа цивилизационного

общества, наоборот, вызвана к жизни той или иной текущей ситуацией, то есть *определяется* ею.

Закон независим и неизменен. Правовая основа производна и изменчива. Закон – великое слово, вызывающее в нашей памяти имена Моисея, Ликурга, Нумы Помпилия, Заратустры, Ману и Конфуция. Правовая система – слово совершенно нейтральное, ассоциирующееся с представлением о шустром и смекалистом сословию всякого рода «стряпчих», готовых в зависимости от ситуации правого сделать виновным, а виноватого оправдать, в соответствии со статьями той или иной системы права.

Закон как совокупность вечных норм вместе с производными от них отношениями, всегда являлся нерушимой основой, на которой то или иное общество сохраняло себя на протяжении тысячелетий. В итоге эти нормы становились принципами морали с четким разграничением допустимого и непозволительного, то есть основой духовной жизни общества.

В современном обществе понятия допустимого и недопустимого в рамках правовых отношений страшно спутаны, поскольку зависят от ситуаций. Правовая норма в качестве средства для предупреждения преступных действий постоянно обнаруживает свою несостоятельность. Более того, она не предупреждает преступления, а парадоксальным образом организует их. Стоит только ей появиться, как преступные действия уже тут как тут, и при этом очень успешно мимикрируют под законообразные. Появляется общество, в котором переходы одного в иное или трудноразделимы или неуловимы вообще. Присмотритесь к нему повнимательнее, и в каждом конкретном случае вам не просто будет найти границу, где заканчивается чиновник и начинается уголовник, где заканчивается торговец и начинается вор, где заканчивается вор и начинается политик, где заканчивается политик и начинается убийца и так далее до бесконечности. Какие уж тут духовные основы!

В атмосфере этой деструкции мы перестали быть со-вестью и содержанием друг друга. Но где это происходит, там неизбежно истончается, а затем исчезает нечто фундаментальное, а именно – *благодать* как единственно надежная основа как личного, так и общественного устройства или *дома нашего*. «И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7: 27). Причиной этого *падения*, первые признаки которого уже начали обнаруживать себя, есть разрушение человеком своей изначально заданной ему бытийности или того состояния, которое выше было названо *органицизмом*.

В предлагаемой работе сделана попытка рассмотреть природу этого состояния.

Раздел I

Б Ы Т И Е

Время ничего не может сделать
великим мыслям,
которые так же свежи теперь,
как и тогда,
когда в первый раз зародились
в умах своих авторов.

Самюэль Смайлс

Глава 1

§ 1–24. Исходные логические конструкции как гены человеческого разума. Ф. Ницше о схеме философий. К. Поппер о смысловых структурах как инвариантах. Наука есть результат развития инвариантов как исходных самождественных положений бытия. Парменид о бытии как тождественной себе сущности. Отличие гегелевского толкования тождества от парменидовского. М. Хайдеггер о бытии. Выражение его точки зрения в концепции «спонтанного ничто». Лейбниц о законе достаточного основания и об основном уравнении мира. Понятие внутренней формы. Энерго-логическая природа бытия

§ 1

Содержание развивающейся человеческой мысли, особенно полно и концептуально представленной в современной научной картине мира, без сомнения, являет собою некий *промежуточный* итог, обусловленный предыдущими достижениями и таящий в себе бесконечные возможности развития в будущем.

Не представляется возможным мыслить мощь этого вглубь и вширь развивающегося процесса как существования чего-то *беспредпосылочного* – того, что выросло из каких-то случайных мнений, необоснованных положений и ложных выводов. Следует, скорее, наоборот, предположить, что человеческая мысль как совершенно специфическая сфера деятельности должна была возникнуть из основ, отвечающих *этой специфике*, из положений, уже содержащих такие возможности своего бесконечного развития, которые могли бы обнаружиться в процессе реализации этих возможностей.

Нужны были, следовательно, некоторые исходные логические конструкции, смысловые заданности, фундаментально основательные и предельно возможные, своего рода *гены человеческого разума*, которые, по неизвестным пока для нас причинам взаимодействия и развития, образовали ныне функционирующие организмы квантовой механики, молекулярной генетики, астрофизики и т.п.

§ 2

Эта мысль не нова. В той или иной форме она высказывалась и раньше. Так, еще Ф. Ницше говорил о некой схеме *возможных* философий, мышление которых «в самом деле является в гораздо меньшей степени открыванием нового, нежели опознаванием, припоминанием старого, – возвращением под родной кров, в далекую стародавнюю общую вотчину души, в которой некогда выросли эти понятия – в этом отношении философствование есть вид атавизма высшего порядка»¹.

Мысль о том, что содержание развивающегося разума, выразившее себя в той или иной концептуально развернутой структуре, в истоках своих может быть обнаружено в некотором отдельном положении как *смысловой заданности этой структуры*, вполне определенно высказана у знаменитого К. Поппера в его книге «Мир Парменида», где он такие заданности называет *инвариантами* научного знания, а самую науку – как результат их дальнейшего исследования и развития².

Там же он утверждает, что именно такие положения стали появляться в системах античной философии, где начала формироваться мысль о теоретическом уровне видимого нами мира, о таком его *бытии*, которое заключено в существовании самотождественных и неизменных в себе начал, выступивших в качестве отправных позиций в познании природы внешнего мира и его явлений³.

§ 3

Разумеется, весь корпус современного научного знания мы не сможем свести к натурфилософским представлениям древних о четырех стихиях бытия, не увидим его в рассуждениях о природе гомеомерий, о числовой упорядоченности и мерности космоса, о необходимом движении атомов в пустоте, в том положении, согласно которому «все пребывает во всем и т.п.». Вместе с тем известно, что движение к нынешней научной картине мира началось именно с этих и других подобных положений как неизменной (инвариантной) основы, на которой стали возводиться различные построения развивающегося интеллекта.

Можно, следовательно, предположить, что ни одна из исходных позиций древней мысли не утрачена для современной науки. В той или иной мере они имеют в ней свое продолжение, развиваясь

и изменяясь иногда до неузнаваемости, пропорционально мощи различных познавательных технологий, самое существование которых было бы все-таки невозможным без первых откровений мысли, давших возможность созерцать мир не как калейдоскоп событий, а как в себе единое и разумное целое.

Каждый из *инвариантов* претендовал именно на то, что познание этого единого целого должно осуществляться в соответствии со смысловой природой самого инварианта. Только этой претензией и была обеспечена возможность акта познания как деятельности, самоотожествленной, то есть обращенной на самое себя как на свой собственный объект. «Наука не была бы тем, что она есть, – замечательно говорит в связи с этим М. Хайдеггер, – если бы самотождественность ее объекта не была обеспечена с самого начала»⁴.

§ 4

Сказанное, однако, можно отнести не только к науке, но и ко всему содержанию человеческой жизни, выросшей из тех же предельных положений явившегося однажды разума, в которых он впервые обозначил основные принципы познания самого себя и творимого им мира.

Эта обращенность мысли к самой себе, разума – к своей собственной природе выражает, как известно, содержание времени, названного Осевым. Речь идет о нескольких столетиях, на протяжении которых древнее человечество на огромных пространствах от Китая до Греции нашло в своей разумной деятельности (следовало бы даже сказать: «обнаружило в себе») некие единые ее принципы как основы своего мироустройства. «Тем, что совершилось тогда, – пишет К. Ясперс, – что было создано и продумано в то время, человечество живет и сегодня»⁵.

§ 5

Этот вывод на первый взгляд может показаться преувеличенным или «хватаящим через край», однако он будет принят как обоснованное положение, если слова о том, что в Осевое время были выработаны основные принципы мышления и социальной жизни, мы будем понимать так, что эти «принципы» и есть теми самыми *генами* нашей смысловой деятельности, теми заданными конструкциями интеллекта, развитие или видоизменение которых